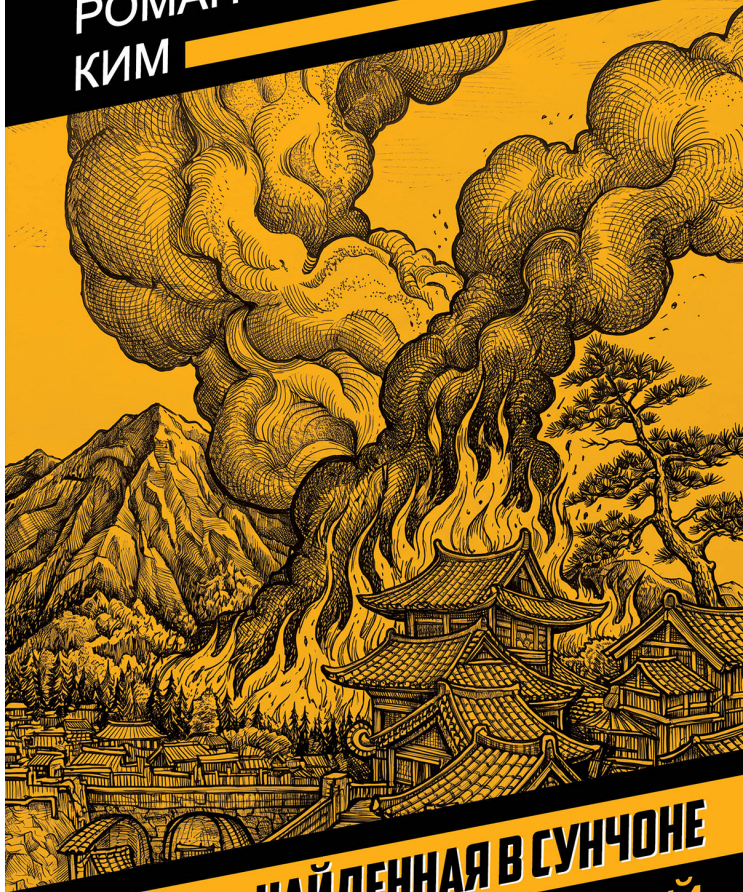

РОМАН
КИМ

ТЕТРАДЬ, НАЙДЕННАЯ В СУНЧОНЕ
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Роман Николаевич Ким

Тетрадь найденная в Сунчоне

Серия «Тайный фронт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74338731

Тетрадь, найденная в Сунчоне:

ISBN 978-5-00269-652-9

Аннотация

Роман Николаевич Ким (1899–1967) – классик советского шпионского романа, оказавший влияние и на мировую остросюжетную литературу. У него учились и Юлиан Семенов, и авторы «бондианы». Ким отлично знал, о чем пишет. Ведь он был сотрудником японского отдела советской разведки. При этом, оказался талантливым писателем. Никогда прежде о шпионах не писали так точно и остроумно. В центре повествования – тетрадь японского генерала, в которой раскрывается тайная подоплека Корейской войны. Кто и как спровоцировал бойню в Корее? Почему рухнули планы Пентагона?

Читайте самую талантливую и откровенную книгу о первом боевом противостоянии Холодной войны. Повесть написана по горячим следам, на документальной основе.

Содержание

Текст тетради	12
Бутылка коньяку	15
1	16
2	21
3	29
«Яшма вдребезги»	35
1	36
2	39
3	43
4	46
5	48
6	53
Крах	58
1	58
2	62
3	66
4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Роман Николаевич Ким

Тетрадь, найденная в Сунчоне

© Ким Р.Н., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Роман Ким

* * *

Рано утром 24 ноября 1950 года американские войска в Корее начали генеральное наступление. Американцы ста-

вили целью, зажав в тиски, уничтожить основные силы Народной армии Кореи и китайских добровольцев и выйти к корейско-манчжурской границе на всем ее протяжении. Главный удар был нанесен из районов севернее Анчжу и Токчена, где были сосредоточены 1-й и 9-й американские корпуса. Бои начались по всей линии северо-западного и восточного фронтов Кореи.

Всем партизанским отрядам, находившимся в тылу интервентов, было приказано начать активные операции согласно плану, намеченному Главным командованием Народной армии.

Отряд, действовавший в горах южнее Чанрима, получил приказ: ударить по тылам 8-й американской армии, перерезать ее коммуникации и вызвать переполох в прифронтовой полосе врага.

Получив этот приказ, отряд сразу же двинулся строго на запад. В пути партизаны истребляли все неприятельские заставы и караулы, обстреляли и уничтожили несколько десятков машин с американцами.

Двадцать шестого ноября около четырех часов пополудни партизаны ворвались тремя группами в город Сунчон, где находился штаб 1-го американского корпуса.

Интервенты никак не ожидали удара с этой стороны. В городе поднялась паника. Большая часть американцев и лисынмановцев сейчас же удрала из города. Но часть лисынмановцев, засевшая на территории химического завода около

вокзала, стала обстреливать центральные кварталы города, где еще находились американцы. В разгар перестрелки налетели двухфюзеляжные «Ф-82» и начали с бреющего полета поливать из пулеметов по своим, а после штурмовиков появились легкие бомбардировщики «Б-26». На ракеты и прочие сигналы, подаваемые американцами и лисынмановцами, летчики не обращали никакого внимания, считая их «очередной хитростью корейских коммунистов».

Как только кончилась бомбежка, партизаны пошли в атаку и быстро очистили город от врага.

Штаб отряда обосновался в здании вокзала, построенном еще при японцах. С вокзальной платформы открывался вид на город, лежащий на склонах возвышенности. Большая часть его пылала. Судя по цвету пламени – киноварного оттенка, – город был подожжен бомбами с начинкой из сгущенного бензина напалма. Между двумя огненными столбами чернела островерхая крыша христианской церкви.

На площадь перед вокзалом прибывали один за другим захваченные грузовики и джипы, нагруженные трофеями. Привели несколько пленных американских офицеров, у всех были нарукавные знаки 2-й дивизии: на щите звезда, в центре ее – голова индейца.

В диспетчерскую, где на столе с телефонами сидел командир отделения Ан Пен Хак и перевязывал руку, вбежала Юн Ок Тан – до войны студентка-биолог, ныне переводчица при штабе. Она проговорила: «Скорей, скорей!» – и выскочила

из комнаты.

Пен Хак был в трофейном обмундировании – в широченной брезентовой тужурке, подбитой козым мехом, в меховых сапогах, с кольцом в деревянной кобуре, с карабином за спиной и вдобавок с наспех забинтованной рукой, пробитой насквозь двумя пулями. Бежать в таком виде за Ок Тан было трудно. Он влез в джип, совсем задыхаясь. Ок Тан правила машиной, как заправский шофер. Она развила свою обычную скорость, которую называла «скорость спринтера».

По дороге Пен Хак узнал, что, по словам одного из пленных, в здании рядом с методистским молитвенным домом помещались контрразведка и еще какой-то весьма секретный отдел штаба 1-го американского корпуса. Штабные, разумеется, улизнули первыми, но там, может быть, остались арестованные, их надо спасти.

Взвизгнув на крутом повороте, машина остановилась у самого дома. Он горел. Ок Тан выскочила из машины и побежала во двор. Ее остановили бойцы и сказали, что в дом войти нельзя: он сейчас рухнет. Они уже осмотрели все внутри и никого не нашли. По словам бойцов, арестованных держали в каменном сарае в углу двора. Американцы так торопились удрать, что не успели расстрелять их. Они бросили в окошко сарая гранату, которая только ранила троих. Все освобожденные товарищи уже отвезены на вокзал.

Боец в полуобгорелом ватнике протянул Пен Хаку мокрую папку и портфель из свиной кожи, сказав, что нашел эти

вещи в комнате, где на столе лежали большие карты, а в углу горела куча изорванных бумажек и пустых папок. Подошли еще два бойца. Они держали за руки какого-то субъекта в американской форме. На левом рукаве у него была квадратная нашивка: наверху буквы «UN», а под ними «War correspondent». Ок Тан перевела: «Объединенные нации. Военный корреспондент».

– Это, наверно, японец. Он поджег дом, – сказал один из бойцов. – Мы поймали его с бензиновым баллоном.

Человек с корреспондентской нашивкой прохрипел по-корейски:

– Я не японец... меня заставили...

Оба бойца сели вместе с поджигателем на заднее сиденье машины.

Подъезжая к штабу, Ок Тан сделала такой отчаянный поворот, что один из бойцов даже вскрикнул.

Пен Хак и Ок Тан пошли к начальнику штаба, а бойцы с арестованным – в зал ожидания, отведенный для пленных.

Начальник штаба приказал доложить ему содержание документов. В папке, на которой было написано: «Top Secret. Group J» – «Совершенно секретно. Группа Джэй», – оказались листовки на китайском языке – обращение от имени главнокомандующего войсками Объединенных Наций к населению Манчжурии и Монголии.

Начальник штаба в течение всей войны с Японией сражался в армии генерала Линь Бяо и знал китайский язык очень

хорошо. Он молча просмотрел обращение, отобрал один экземпляр, а все остальные приказал сжечь.

– Они собирались пустить в ход эти листовки сейчас же после перехода через Ялу. Уже все приготовили, мерзавцы, – сказал он.

В портфеле оказались: книга – руководство по японским шахматам – и толстая тетрадь в переплете из набивного ситца. Пен Хак перелистал книгу, переводя название глав: дебюты, середина игры, комбинации с летающей колесницей, золотыми и серебряными офицерами, конем и способы защиты. Обычный шахматный учебник, ничего особенного, – таково было его заключение.

Но тетрадь сразу же заинтересовала его. Она была густо исписана по-японски, причем оба японских алфавита – катакана и хирагана – были перемешаны, а иероглифы написаны очень неразборчивой скорописью. Он выбрал страницу наугад и стал разбирать вслух. После двух фраз начальник штаба остановил Пен Хака:

– Надо разобрать все. Садись сейчас же!

В это время Ок Тан, просматривавшая шахматный учебник, вскрикнула:

– Поняла! Тут на каждой странице какая-нибудь одна буква подчеркнута ногтем и номера страниц тоже... Это, наверно, ключ к шифру.

– Трудно будет разобрать, – пробормотал Пен Хак, почесывая голову, так наворочено...

Начальник штаба произнес свое любимое изречение:

– Лучший способ преодолеть препятствие – это преодолеть препятствие.

Вернувшись в диспетчерскую, Пен Хак стал разбирать текст японских записей в тетради. Сперва было очень трудно, но, по мере того как он привыкал к почерку, становилось все легче. Некоторые места, в частности фамилии и имена, были зашифрованы с помощью цифр. Он разгадал их без особого труда: цифры просто обозначали номер страницы шахматного учебника, на которой был подчеркнут тот или иной слоговой знак.

Несколько раз в комнату забегала Ок Тан. Она сообщила, что пойманный поджигатель наконец назвал себя и дал интересные показания, а затем принесла весть о том, что Народная армия и китайские добровольцы перешли в контрнаступление, уже прорвали линию вражеского фронта и громят 2-ю и 25-ю дивизии трумэновцев.

К утру Пен Хаку удалось преодолеть все препятствия и разобрать текст записей полностью.

Вот что было записано в тетради.

Текст тетради

Из этой старинной беседки на холме открывается прекрасный вид на окрестности города, особенно на дорогу, идущую от Южных ворот. Вдали вырисовывается каменный мост, вправо от него начинается густой сосновый лес. Он покрывает склон горы, заслоняющей горизонт. Я стоял у каменной балюстрады беседки и слушал объяснения моего адъютанта и переводчика Пак Ча Дена.

Эту беседку построил свыше полутора века назад Чон-чон – двадцать второй король из династии Ли. Недалеко отсюда, за горой, поросшей лесом, находится могила его отца

– принца Чанхона, умершего совершенно необычным образом.

История кончины принца такова. Он разошелся во взглядах со своим отцом, королем Йончоном, по вопросу о внешней политике королевства. Принц считал, что необходимо завоевать Китай, король был против. Спор окончился тем, что король велел посадить своего наследника в ящик и забить ящик гвоздями. Принц умер на шестой день. Это случилось ровно 188 лет назад, но Пак рассказал так живо и с такими подробностями, словно сам был свидетелем происшедшего.

Король Чончон часто приезжал сюда, чтобы пролить слезу над могилой своего отца. На обратном пути он поднимался на этот холм и бросал из беседки прощальный взгляд в сторону горы. Это вошло в обычай. Все короли Кореи, царствовавшие после Чончона, каждую весну приезжали в Сувон поклониться могиле предка. И все они на обратном пути поднимались в эту беседку, долго смотрели в сторону горы и отвешивали поклон.

Затем Пак стал рассказывать о других исторических событиях, имевших отношение к здешним местам, но я перестал слушать. В моей памяти вдруг всплыл другой день, когда я точно так же смотрел на расстилавшийся передо мною пейзаж. Это было на горе Такатори. Я вспомнил, что случилось в тот день. Затем стал перебирать в памяти дальнейшие события.

Окинув мысленным взором свою жизнь за последние годы, я решил начать эти записи. Тем более что мне нужно как-то скоротать время. Хаш-хаш приедет не раньше чем через месяц, а до этого мне все равно нечего делать. Свой вынужденный досуг я использую для заполнения тетради.

Из этой беседки корейские короли озирали путь, пройденный ими, и отвешивали поклон в ту сторону, откуда пришли. Я проделаю то же самое.

Я кланяюсь в сторону горы Такатори, откуда начался удивительный путь, приведший меня, офицера специальной службы императорской армии, в корейский город Сувон, к холму со старинной беседкой.

Мои записи не предназначены для чужих глаз. Я веду их для самого себя. А от самого себя у меня тайн нет.

Бутылка коньяку

В первых числах июня 1945 года Токийская роза (так прозвали американцы дикторшу наших передач на английском языке) объявила на весь мир о прибытии американского авиационного полка «Летающая стрела» на остров Тиниан. Этот полк был предназначен для чрезвычайной операции, и переброска его из Америки на Тихоокеанский театр производилась в условиях строжайшей тайны. Поэтому сообщение Токийской розы буквально ошеломило неприятельское командование. Мы одержали блестящую победу на фронте эфира.

Все, кто был в курсе дела, поздравляли меня. Я действительно имел право гордиться своей удачей, хотя все получилось совсем случайно.

Наша группа – чины армейского отдела главной квартиры и офицеры штаба Восточного района – была послана на Миурский полуостров инспектировать укрепления, возведенные на побережье Токийского и Сагамийского заливов. Группу возглавлял полковник из адъютантской части главной квартиры, мой старый приятель Дзинтан. Эту кличку ему дали еще в военной академии за сходство с изображением на рекламе пилуль «Дзинтан».

Мы объездили весь полуостров и наконец прибыли в Ои-хама, где находился аэродром флотской авиации. Здесь на-

ша группа разделилась. Часть ее направилась в Дзуси, часть осталась в Оихама в ожидании военного министра генерала Анами и только что назначенного начальника главного морского штаба адмирала Тоёда.

Дзинтан предложил мне подняться на гору Такатори, возвышающуюся в центре полуострова, и полюбоваться видом на оба залива, полуостров Босо и горы Фудзи и Хаконэ. Вид был действительно великолепный. Но наш восторг был вскоре омрачен американскими бомбардировщиками. Они летели со стороны Токио, возвращаясь с бомбежки. Один из них направился в нашу сторону, решив, очевидно, пересечь полуостров. Зенитная батарея, спрятанная у подножия горы, дала по нему залп. Самолет вдруг накренился и окутался дымом. Из машины выбросилось несколько человек с парашютами. Их отнесло немного в сторону, они опустились недалеко от того места, где среди деревьев виднелась крыша храма Дзинбу.

Мы стали спускаться по тропинке к храму. Оттуда слышались выстрелы. Мы вытащили револьверы и ускорили шаг. У ворот храма нас встретил капитан с черными жандармскими петлицами. Узнав, кто мы, он пропустил нас.

Перед ступеньками, ведущими к храму, стояли трое пленных, связанных веревкой. Двое из них были молодые рослые парни – сержанты, третий – офицер, невысокий, с прищуренными глазами и маленькими пухлыми губами. На рукаве у него был изображен зеленый лист с молнией посередине –

эмблема 25-й дивизии. Вслед за нами в ограду храма вбежал подполковник с черными петлицами. При виде его Дзинтан улыбнулся:

– Здорово, Муссолини! У тебя хороший нюх на дичь, поспел вовремя.

У жандармского подполковника были большие вытаращенные глаза и массивный квадратный подбородок. Кличка ему была дана очень удачно. Он деловито осмотрел пленных и, одобрительно похлопав по груди рослого рыжеватого парня, обратился к двум молоденьким офицерам, стоявшим около пленных:

– Ваши солдаты ополченцы?

Офицер в очках ответил:

– Так точно, призваны месяц назад. Студенты.

– Фехтовать на мечах умеешь?

Офицер в очках осклабился:

– Я был в университетской команде фехтовальщиков.

Муссолини показал пальцем на рыжеватого парня:

– А ну-ка, покажи на нем свой класс. Одним ударом на двоих.

Дзинтан кивнул мне:

– Покажи ты сперва.

Я засмеялся:

– Нет, одним ударом не умею. Несколько раз пробовал на острове Макин, но ничего не получалось, только портил материал.

– Вы, наверно, били горизонтально, – сказал Муссолини, – ударом «полет ласточки». Это очень красивый, но трудный удар. Лучше рубить сверху наискось, от плеча к бедру, ударом «опускание журавля».

Флотский лейтенант, стоявший рядом с Дзинтаном, счел нужным вставить замечание:

– А самый чистый удар – это рубить от макушки до копчика на две равные половинки, в стиле Миямото Мусаси...

Дзинтан усмехнулся:

– Говорят, что у вас на флоте усердно изучают этот удар. Тренируются на курах.

Все громко засмеялись, кроме флотского лейтенанта.

Муссолини, пристально посмотрев на пленного офицера, тихо сказал что-то Дзинтану. Американец вдруг упал на колени и торопливо заговорил по-японски, почти без акцента:

– Не убивайте, я не летчик, а штабной офицер. Не убивайте, я все скажу! Не убивайте, пожалуйста!

Он сложил ладони, как на молитве, и поклонился.

Я отвел Дзинтана в сторону и громко сказал:

– Дай мне его. Допрошу по всем правилам. – И добавил шепотом: – А после допроса расправлюсь сам.

Дзинтан кивнул головой и пошел вместе с Муссолини в сторону колокольни, приказав солдатам вести туда пленных.

Я поднялся на веранду храма. Служка провел меня в камеру, где хранились в чехлах статуи и скатанные в трубку картины. Я приказал солдату развязать пленного.

Служка принес на подносе чайник с чашками, рисовые лепешки и палочки для еды. Я усадил пленного на пол перед столиком, а сам сел напротив на сложенный парашют.

Пленный чинно уселся, поджав под себя ноги. Я дал ему сигарету. Он жадно выкурил ее и вдруг, уронив голову на столик, зарыдал. Я предложил ему чашку чаю. Он выпил, сморщил физиономию и вытянул губы, снова собираясь заплакать. Я ударил его по щеке и вежливо сказал:

– Возьмите себя в руки. Вы офицер, а не девочка. У вас еще есть возможность остаться в живых.

Я дал ему выкурить еще одну сигарету и начал допрос.

Его звали Альберт Харшбергер. Он был офицером штаба 25-й дивизии, прикомандированным к штабу главнокомандующего союзных вооруженных сил на Тихом океане генерала Макатура. Недавно его послали на остров Тиниан для выполнения специального задания. Дело в том, что на этом острове, хотя с момента взятия его американцами прошло уже около года, в бамбуковых зарослях возле горы Расо еще прятались остатки японского гарнизона. Из-за этого американским офицерам и чинам женского вспомогательного корпуса приходилось воздерживаться от прогулок в лес. Харшбергер успешно выполнил задание – с помощью громкоговорителя он уговорил японцев прекратить сопротивление. Из чащи вышло всего пять человек.

Прежде Харшбергер жил в Японии и работал в лютеранской общине. Он вернулся в Америку незадолго до начала войны.

– Короче говоря, вы были шпионом, – сказал я.

– Нет, я преподавал английский язык в лютеранском богословском институте в Токио...

– Адрес института? Кто директор?

– Район – Накано, квартал – Сагиномия. Директор – американец Хорн. Затем я преподавал в Сеуле, в институте Энки...

– Адрес института? Кто директор?

– Район – Синчон, директор – американец Андервуд.

– Короче говоря, вы занимались шпионажем не только в Японии, но и в Корее. Не будем спорить. А почему вы вдруг стали на колени и захныкали? Догадались?

Пленный закрыл лицо руками.

– Я понял из слов жандармского подполковника... На южных островах мы иногда находили трупы наших офицеров и солдат... и туземцы подтвердили, что вы... – он остановился, подыскивая слова, – что ваши офицеры заживо вскрывали пленных и брали...

Я кивнул головой:

– Печень, взятая у живого врага и употребленная в пищу, делает воина храбрым и выносливым.

– Нам потом стало известно, что первым это начал у вас полковник Цудзи Масанобу. Сами японцы прозвали его за это Малайским тигром... – сказал пленный, не отнимая рук от лица.

– Это наш старинный воинский обычай, именуемый «ки-мотори», – сказал я торжественно. – Мы возродили этот обычай. Опустите руки, вы не в женском колледже.

Пленный положил руки на колени. Я продолжал:

– Не будем терять времени. Значит, вы знаете, что вас ждет. Спасти себя вы можете только одним способом: дать нам ценные сведения. Вы штабной офицер и должны знать кое-что. Даю на размышление тридцать секунд. – Я посмот-

рел на ручные часы.

Пленный заговорил, не дожидаясь истечения срока. Он может сообщить все, что ему известно об экспериментальном применении отравляющих веществ со стороны Америки. Так, например, в ряде районов Новой Гвинеи с американских самолетов были сброшены специальные бомбы для отравления посевов риса и сахарного тростника.

– Это нам давно известно, – сказал я.

Тогда он начал говорить об операции «Олимпик» – плане высадки войск на острове Кюсю. Проведение этого плана намечено на конец осени этого года.

Я сказал, что об этом плане у нас известив даже грудным младенцам. И все знают, что если американцы решатся осуществить высадку в японской метрополии, то не скоро. И если они все же сунутся, то это обойдется им очень дорого.

– Это верно, – сказал пленный. – Даже такой крошечный островок, как Иводзима, площадью в тринадцать квадратных километров, потребовал у нас больших жертв. Мы потеряли почти тридцать три процента высадившихся войск. В Пентагоне, то есть в нашем военном министерстве, считают, что высадка в Японии нам будет стоить трехсот тысяч человек...

– А в нашем Пентагоне – на Итигаядай – уже высчитали, что высадка вам будет стоить пятисот тысяч человек. Эта высадка может кончиться полной катастрофой для вас, потому что вы до сих пор проводили так называемую стратегию Ма-

картура – дрались с нами только на небольших островах, где у нас было мало войск и где нельзя было развернуться. Если бы вы сразились с нами на большом континентальном фронте, например в Китае, мы бы вас расколошматили вдребезги. Все ваши победы в Европе стоят очень дешево. Немцы отступали, а вы бежали за ними и называли это наступлением. Стоило двум немецким танковым соединениям перейти в контрнаступление в Арденнах, как все ваши армии в Европе очутились на краю гибели. Вас спасли русские. Вы умеете драться только тогда, когда у противника в пятьдесят раз меньше войск, танков, самолетов и снарядов, чем у вас. Все ваши победы над нами на островах юга сводились именно к этому. А в самой Японии мы вам преподнесем настоящую войну. Мы впервые столкнемся с вами на большом фронте. Вот тогда и посмотрим, как вы умеете воевать.

– Вы, пожалуй, правы относительно операции «Олимпик», – сказал Харшбергер. – Боюсь, что эту операцию будет очень трудно провести. А что касается операции «Коронет», то есть высадка в Токийском заливе, то думаю, что она вообще останется на бумаге... Слишком уж дорого это будет нам стоить. Пиррова победа нам не нужна. А тем более катастрофа. Короче говоря, до победы над вами еще далеко. Я недавно разговаривал с начальником штаба Сатерлендом, правой рукой Макарута, и другими штабистами. Все сходятся на том, что путь до Токио займет еще несколько лет...

– Напишите об этом, и как можно подробнее.

– Если я напишу, меня не убьют? – спросил он и попытался улыбнуться.

– Если ваши сведения будут признаны заслуживающими внимания, вас не убьют. Одна из заповедей японской воинской морали гласит: быть великодушным к поверженному врагу. И особенно к врагу, который дал интересные сведения. Мы ценим искренность.

Харшбергер поклонился и, не спрашивая разрешения, взял сигарету из моего портсигара на столике и закурил.

Я закрыл портсигар и спросил:

– Значит, ваше командование считает, что до победы еще далеко?

– Да. И вот поэтому у нас в Вашингтоне очень заинтересовались тем, что происходит сейчас в ваших сановных сферах, связанных с концернами. Нам уже известно, что через несколько дней после капитуляции Германии группа ваших сановников доложила императору свои соображения относительно зондирования почвы для мирных переговоров. Нам известно, что представитель Июкогамского валютного банка в Швейцарии, некий Китамура, получил от пяти главных концернов Японии телеграмму, уполномочивающую его начать предварительные переговоры с американскими деловыми кругами. И мы приказали нашему вице-консулу Лада-Мокарскому, который является в то же время директором филиала банка Шредер, встретиться с этим Китамура...

– Дальше!

– ...Китамура прозрачно намекнул на то, что ваше правительство собирается позондировать почву для начала переговоров с Советским правительством и что проведение этого зондажа поручено бывшему премьер-министру Хирота.

– И у вас в Вашингтоне, конечно, встревожились...

– Очень. Поэтому мы приказали Чан Кай-ши послать в Токио нанкинского сановника Мю Бина для секретных переговоров с вашим премьер-министром...

Я засмеялся.

– О том, что эти тайные переговоры велись по вашему приказу, можно было сразу же догадаться. Пока этот Мю Бин находился в Токио, ваши самолеты ни разу не налетали на город.

Харшбергер сказал, что Америка имела отношение и к другим тайным переговорам, проводившимся раньше, например к переговорам между японским послом в Мадриде Сума и английским послом Хором в 1942 году. Черчилль тогда предложил Японии мир, признав ее права на Северный Китай, но просил взамен вернуть Сингапур и Малайю. Однако Тодзио прервал эти переговоры, потому что как раз в это время немцы начали наступление в России, а Роммель двинулся на Суэц. Эти тайные переговоры в Мадриде велись с ведома Америки.

– Переговоры в Мадриде нас не удивили, потому что тогда ваше положение было критическим. На юге мы были на подступах к Австралии, а на севере уже высадились на Алеут-

ских островах. Но теперь у Японии уже нет союзников, и положение на Тихом океане изменилось в вашу пользу... Почему вы теперь подсылаете к нам Мю Бина и пытаетесь начать переговоры в Швейцарии? Хотите скорей кончить войну?

— Да. — Пленный многозначительно прищурил глаза: — Видите ли... с приходом нового президента к власти в наших высших военных сферах стали поговаривать о том, что надо скорей кончить войну с вами.

— Напишите об этом, и как можно подробнее.

— Если я напишу обо всем, вы не убьете меня?

— Вы останетесь в живых. Можете поздравить себя.

Харшбергер поклонился:

— Я подробно напишу обо всем. И когда меня будут допрашивать в Токио, на Итигаядай, и еще где-нибудь, я заявлю, что попал в плен... в единственном числе... Больше никого, кроме меня, пленных не было. Ни-ко-го!

Он протянул руку к моему портсигару. Мне показалось, что он подмигнул мне. Я вскочил и, ударив его по щеке, крикнул:

— Встать, мерзавец! Здесь тебе не бар. С тобой разговаривает офицер императорской армии. Веди себя прилично накануне смерти!

Харшбергер поднялся и прошептал дрожащим голосом — на этот раз по-английски:

— Прошу извинить меня, господин подполковник. Не убивайте меня.

– Садитесь, майор, – сказал я вежливо и протянул ему сигарету. – Я уже сказал вам, что можете не беспокоиться за свою жизнь. Вас отправят в самый комфортабельный лагерь, где находятся ваши и английские генералы, в Кусацу.

Он удивленно поднял брови:

– Кусацу? Это же курорт с минеральными водами... Знаменитый курорт...

– Вот туда и поедете. Будете лечиться, играть в бридж и пинг-понг и ждать окончания войны. Я, может быть, тоже приеду туда залечивать рану, иногда она беспокоит меня. – Я повернул голову и показал шрам за ухом.

Выкурив сигарету, пленный тихо сказал:

– А в общем, напрасно мы воюем. Зря затеяли эту войну.

– Зря?

– Зря. Так у нас говорят многие. Разрешите говорить откровенно, в порядке, так сказать, приватной беседы...

– Разрешаю. Можете сесть удобнее, скрестите ноги.

– Мы всегда верили, – начал Харшбергер, – что вы пойдете туда, куда вам нужно идти. Мы даже одобряли проведенную вами оккупацию Манчжурии в 1931 году, ибо знали, что эта операция связана с планом войны с Россией, утвержденным вашим императором. Нашей разведке уже давно было известно, что в военных сферах Японии идет спор между сторонниками двух планов – плана Исихара «Вперед, на север» и плана Мутто «Вперед, на юг». Мы знали, что 2 июля 1941 года на совещании под личным председательством императора было решено начать войну с Россией. Ваш император принял план Исихара. Но когда немцы подошли к Москве, сторонники плана Мутто убедили императора в том, что русские уже проиграли войну и через некоторое время можно будет просто ввести войска в Сибирь и занять территорию до Урала. Вместо войны с Россией Тодзио и Мутто предложили захватить Малайю, Индонезию и Австралию, обещав императору, что война на Тихом океане кончится

быстро, потому что вслед за Россией капитулирует Англия, и Америка не захочет драться в одиночку. Ваш император поверил Тодзио и Муту, вы пошли на юг и влезли в эту войну. Зачем вы пошли не в ту сторону?

Я пожал плечами и усмехнулся:

– Предъявляйте претензии русским. Они должны были сдаться немцам в декабре 1941 года, но не сделали этого и опрокинули план Муту. Теперь уже поздно говорить об этом.

– В наших влиятельных кругах открыто говорят, что война между нами трагическая ошибка и что ее надо исправить. Пока идет эта война, вы являетесь нашим врагом, но дальновидные люди уже считают угрозой № 1 не вас.

Я понимающе кивнул головой:

– Вы рассчитывали на то, что русские придут к финишу войны в Европе еле живые, и просчитались. Сейчас они для вас угроза № 1, а скоро станут врагом № 1.

– Да. Наши лидеры считают, что вторая мировая война должна кончиться утверждением абсолютного лидерства Америки во всем мире.

– Абсолютного господства?

– Да. Но путь к этому абсолютному лидерству нам преграждают те, кого мы называем угрозой № 1. И в дальнейшем эта помеха будет расти все больше и больше. Нам надо думать о будущем. И прежде всего... о будущем американском «плане Исихара». И тогда Япония будет очень нужна нам. Достаточно сильная Япония, конечно. А отсюда вывод: не в

наших интересах разгромить до конца Японскую империю. Надо кончить нашу войну, не доводя друг друга до нокаута.

– Значит, в ваших высших сферах хотят как можно скорей кончить войну с нами?

– Да. Чтобы иметь свободные руки. Чтобы начать как можно скорее...

Издали донесся пронзительный вопль, совсем не похожий на человеческий. Он внезапно оборвался на высокой ноте. Муссолини, очевидно, кончил допрос и принялся за дело. Харшбергер тихо охнул и повалился на пол, закрыв голову руками. Он начал громко икать. Я налил чаю в чашку, положил на нее накрест палочки и предложил пленному делать небольшие глотки из каждого сектора по очереди.

– Старинное японское средство против икоты. Попробуйте. Если не поможет, попробуем другое, более решительное.

Палочки, положенные крестом, помогли – икота прекратилась. Пора было кончать допрос. Все, что можно было выжать из пленного, по-видимому, уже было выжато. Передо мной сидел уже не человек, а отходы, годные только для смазки меча. Кончал допрос я всегда одним и тем же приемом. Я вдруг вскочил и гаркнул изо всех сил:

– Хватит дурака валять! Все, что вы сказали, – ерунда! Говорите о самом главном! Об этом самом! Считаю до трех! Раз...

Пленный выронил чашку и, протянув ко мне руки, быстро зашептал:

– Подождите, не убивайте. Если насчет Тиниана, то я не говорил потому, что я сам не знаю толком: это ведь сверхсекрет...

Я еще раз крикнул:

– Говори! – И, усаживаясь, добавил обычным голосом: – А что вам все-таки известно?

– Мне известно только то, что на остров Тиниан 29 мая прибыл наземный персонал 509-го полка тяжелых бомбардировщиков из секретной авиабазы в Уэндовере в штате Юта. Полк условно именуется «Летающая стрела». А до этого прибыло пятнадцать самолетов типа «Б-29» этого же полка. Я совсем случайно узнал, что этот полк должен провести какую-то чрезвычайно важную операцию.

– Все это нам известно. А что вы знаете об этой чрезвычайно важной операции?

Харшбергер молитвенно сложил руки и замотал головой.

– Ровным счетом ничего. Клянусь честью офицера. Я только слышал, что имеется в виду пустить какое-то новое оружие... его изготавливают в Ханфорде на берегу реки Колумбия и в Лос-Аламосе в штате Нью-Мексико. Для охраны этого секрета организована специальная контрразведка под шифрованным названием «Крипе». И еще я узнал, что операция, которую должен провести 509-й полк, называется «Серебряное блюдо».

– Врете! Нам хорошо известно, что операцией «Серебряное блюдо» называются мероприятия по поставке вооруже-

ния и продовольствия Америкой другим государствам. Второй отдел вашего генштаба пользуется именно этим кодированным названием. Вы наврали, думая, что мы ничего не знаем.

– Нет, не вру! Значит, у нас два «Серебряных блюда». Я говорю правду, вот увидите, мои слова подтвердятся. Я сказал вам все, все... и больше я ничего не знаю... клянусь. Я сказал все... – Он быстро замотал головой и упал лицом на столик.

– Ладно, прервем на этом беседу, – сказал я. – Вы еще не все сказали. Придется применить некоторые меры. Пака отдохните и соберитесь с силами.

Я посадил на свое место солдата и пошел искать Дзинтана. Он сидел на камне у колодца и просматривал записную книжку, взятую у одного из пленных. Выслушав меня, Дзинтан сказал, что о показаниях Харшбергера надо будет на всякий случай сообщить начальству на Итигаядай. Он сейчас поедет в Оихама и оттуда позвонит в адъютантский отдел главной квартиры.

– А те двое? – спросил я.

Дзинтан сделал жест фехтовальщика.

– Я показал им, как надо рубить. Одним ударом – от плеча к бедру, наискось. А с другим американцем получилась ерунда. Его дали офицеру из студентов. Он пытался, но ничего у него не получилось, только весь забрызгался. Тогда за дело принялся Муссолини. Он сделал кимотори образцо-

во. Студенты-ополченцы чуть не попадали в обморок... А ты подожди, я доложу начальству и дам тебе знать. Ты, наверно, тоже хочешь отведать?

— Я это пробовал на острове Макин. Тогда тоже поймали летчиков. Но те были brave ребята, а этот такой слюнявый, что меня тошнит заранее. Еще заразишься от него трусостью. Я просто зарублю его.

Через час от Дзинтана прибыл подпоручик и передал мне, что из Токио получен приказ немедленно доставить пленного в целости и сохранности в военное министерство. На Итигаядай Харшбергер повторил свои показания. По-видимому, он больше ничего не знал об операциях «Олимпик», «Коронет» и «Серебряное блюдо». Но он очень подробно рассказал о настроениях в Пентагоне и особенно о том, как там уже стали поговаривать о неизбежности «третьей завершающей» войны. По распоряжению военного министра пленного оставили в живых и отправили в лагерь № 7 в Фукуока. Тогда-то Токийская роза и передала по радио сообщение о полке «Летящая стрела». А я был вызван к старшему адъютанту министра и получил награду за исключительное умение допрашивать бутылку французского коньяку «Наполеон».

«Яшма вдребезги»

Показания американского офицера, искусно откупоренного мной, оказались более ценными, чем я думал. Сведения о том, что в ближайшем будущем может начаться американо-советская война, были признаны совершенно достоверными, так как совпадали с донесениями, полученными от наших военных атташе в Стокгольме и в Берне, которым удалось установить контакт с агентами, обслуживавшими американские разведывательные резидентуры.

Теперь, взирая с этого сувонского холма на минувшее, сознаешь всю смехотворность и нелепость споров, происходивших в последние месяцы войны в наших «высших сферах». Поражаешься недомыслию и недальновидности тех, кто вершил тогда судьбами империи.

Группа виднейших сановников, тесно связанных с финансовыми магнатами Токио и Осака, твердила: война уже проиграна безвозвратно. Не надо больше раздражать Америку своим упрямством, лучше скорей капитулировать перед ней и развязать ей руки для открытия войны против России. А там посмотрим...

Но наши высшие военачальники, те самые, которые в свое время поддержали Тодзио и МUTO и, допустив роковую ошибку – вместо вторжения в Сибирь сбросили бомбы на Пёрл-Харбор, – теперь доказывали: Америка хочет как мож-

но скорее кончить войну на Тихом океане, чтобы начать другую войну. Значит, можно принудить Америку заключить с нами компромиссный мир, оставляющий за империей господствующее положение в Азии. А для того чтобы заставить Америку пойти на уступки, надо показать ей, что мы готовы еще долго драться.

По требованию армейского командования было созвано экстренное заседание Высшего совета по ведению войны. Военный министр генерал Анами и начальник генштаба генерал Умедзу неожиданно огласили проект «Основной программы ведения войны». Премьер-министр адмирал Судзук и прочие министры сидели вытаращив глаза от изумления. Они впервые слышали об этом проекте.

Стратегический план, вытекающий из этой программы, заключался в следующем. Как только американцы начнут высадку на Хонсю, все наши войска в метрополии, разделенные на две группы армий под командованием фельдмаршалов Сугияма и Хата, завяжут бои на самом берегу. Если нам не удастся сбросить врага в море, мы организованно отойдем в горные районы центральной части Хонсю. Если в ходе боев наши войска окажутся отрезанными друг от друга, каждое отрезанное соединение будет действовать совершенно независимо, проводя так называемую «стратегию дождевого червя».

Как только Япония превратится в театр военных действий, император и правительство переедут в Манчжурию,

и временной столицей станет Синьцзин. Защита нового центра империи будет поручена Квантунской армии.

Никто из членов Высшего совета по ведению войны не осмелился выступить против «Основной программы». Анами и Умедзу представили план последней, завершающей стадии войны на высочайшее рассмотрение. Император утвердил план без всяких изменений. Страна была извещена о принятом решении: воевать до конца, до победы, если даже вся Япония будет испепелена. Если Америка не возьмет обратно Каирскую декларацию, требующую от Японии безоговорочной капитуляции, мы пустим в ход наш план «Яшма вдребезги!» Все японцы должны проникнуться решимостью умереть, разбиться вдребезги, подобно яшме!

Меня и Дзинтана вызвали тогда в секретариат министра и поздравили с назначением: мы были прикомандированы к флигель-адъютантской части в качестве офицеров для особо важных поручений с оставлением в штате армейского отдела главной квартиры.

В начале последнего года войны мы применили новое оружие: к небольшим воздушным шарам привязывались бомбы и пускались через океан. Через некоторое время мы узнали о том, что некоторые из этих бомб долетели до Америки и взорвались вдали от населенных пунктов, напугав нескольких лесорубов. Никакого влияния на ход войны эти шары с бомбами оказать не могли.

Значительно больший эффект произвел шар, пущенный нашей сановной кликой по приказу главных концернов. Через представителя иокогамского валютного банка в Швейцарии Китамура американцам были подброшены сведения о том, что будто бы между Токио и Москвой начались какие-то переговоры. Чтобы подкрепить эти сведения, бывшему премьер-министру Хирота было поручено съездить на курорт в горах Хаконэ, где находился советский посол Малик. Визиты Хирота имели целью прощупать позицию советской стороны. Но ничего, кроме мнения Малика о погоде и об окрестных пейзажах, прощупать не удалось. Однако представители нейтральных государств – шведский и швейцарский посланники – узнали о поездке Хирота: первый – от японского виконта, приятеля по игре в гольф, а второй – от учительницы, обучавшей его супругу чайной церемонии.

Разумеется, мы не знали тогда о том, что теперь известно

всему миру: в Ялте было заключено секретное соглашение, согласно которому Советский Союз дал твердое обещание своим союзникам вступить в войну с Японией вскоре после завершения войны с Германией. Как показало будущее, русские точно выполнили это обещание.

Но как бы то ни было, наша комбинация удалась. Швейцарский и шведский посланники в Токио передали полученные ими сведения по назначению. Американцы забеспокоились. Они вовсе не собирались честно выполнять свои обязательства в отношении русских. И поэтому они не верили русским, так же как гейши не верят никому, ибо сами всегда первыми нарушают свои обещания.

Решив, что русские хотят надуть их, вашингтонские гейши стали подмигивать нам. Об этом можно было судить по передачам из Сан-Франциско. Сенатор Кейпхарт сейчас же выступил с заявлением о том, что не нужно настаивать на безоговорочной капитуляции Японии. Такие требования, сказал сенатор, могут только затянуть войну. А журналы «Лайф» и «Тайм» заявили: если Америка не пойдет на компромисс, ей придется принести в жертву не менее миллиона солдат.

Убедившись в том, что их шар достиг цели, сановники решили продолжать подготовку почвы для переговоров. Их не останавливало то, что государь уже одобрил план войны до конца. Они решили запугать его. Они говорили, что военное положение ухудшается с каждой минутой не только на фрон-

тах, но и внутри империи. Население уже дошло до утюгов из глины и кастрюль из камня: отобрана не только вся металлическая утварь, но даже вата из постельных тюфяков. Если война затянется до зимы, могут возникнуть беспорядки, которыми воспользуются красные. Над империей нависнет опасность революции.

Тот, кто пугает, начинает пугаться сам. Пэры из верхней палаты вызвали представителей тайной политической полиции и министерства иностранных дел, чтобы получить информацию о росте влияния красных внутри и вне империи. Представитель тайной полиции заявил, что подпольные группы красных существуют в районе Осака, префектуре Кагава и даже в военно-морской базе Йокосука. Красное подполье существует и действует.

Но еще более тревожным оказался доклад представителя министерства иностранных дел – Огата, бывшего советника нашего посольства в Манчжоу-Го, а до этого секретаря посольства в Москве. Не жалея красок, он нарисовал страшную картину усиления коммунистического влияния во всем мире. И так увлекся, что сам во время доклада дважды пил валерьянку с камфарой. Слушатели последовали его примеру.

В верхней палате началась паника. Стенограмму доклада вместе с картой всего мира, испещренной большими красными пятнами и стрелками, немедленно представили князю Коноэ, а князь всеподданнейше доложил обо всем государю. После доклада, как говорили, в августейшие покои срочно

вызывали лейбмедика.

Вскоре после того как император утвердил план «Яш-ма вдребезги», среди офицеров столичного гарнизона стали распространяться листовки, отпечатанные на мимеографе. Их выпускала тайная организация, созданная офицерами центральных военных учреждений по примеру Отряда божественных воинов, Общества Маленькой вишни и других офицерских организаций, существовавших в прошлом.

В организацию входили офицеры главной квартиры, военного министерства, генштаба и штаба Восточного района. Затем в нее стали вступать офицеры лейб-гвардии, столичного гарнизона и частей, дислоцированных вокруг Токио.

Организация имела в виду поставить у власти наделенное чрезвычайными полномочиями военное правительство – без штатских. Это правительство добьется почетного мира с Америкой и совместно с ней осуществит тот план, который уже был однажды утвержден государем и не был отменен, а только отложен на время из-за решения провести сперва план Мута «Вперед, на юг».

Дзинтан и Муссолини предложили мне вступить в организацию – поставить на листке свою личную печатку и скрепить ее знаком клятвы, надрезать мизинец и приложить его к бумаге. Я ответил, что еще не разобрался как следует в создавшейся ситуации и хотел бы немного подумать. Я ре-

шил посоветоваться со своим старым покровителем и земляком, состоящим ныне в резерве, генерал-лейтенантом Осьминогом. Так мы прозвали его, когда он был начальником военного училища. В свое время он участвовал в нескольких офицерских заговорах и за причастность к убийству премьер-министра Инукаи даже подвергся наказанию – просидел неделю под домашним арестом.

Разговор с Осьминогом произошел в противовоздушной щели, вырытой в заднем дворике его дома в Усигомэ, в квартале Вакамия. Старик устроился вполне комфортабельно: дно щели было устлано циновками, сделан брезентовый навес – на стенках полки для посуды и табачного прибора – и, так как часто приходилось ночевать в щели, поставлена жаровня для обогривания ног.

Ничего путного Осьминог мне не сказал. Я вылез из его щели совсем разочарованный. Я понял, что старик – верный сподвижник ушедшего на покой Тодзио – окончательно утратил всякое представление о реальной действительности. Эти старики генералы, которые затеяли войну с англосаксами, вовсе не собиравшимися воевать с нами, теперь старались как-то оправдать себя. Осьминог а течение нескольких часов угощал меня разговорами о том, что виноваты во всем наши военные цензоры, которые по неграмотности часто пропускали на фронт письма с иносказательными текстами, извещавшими солдат о неверности их жен из-за нехватки продовольствия в метрополии. Эти письма подорвали бо-

своей дух армии.

Но война, утверждал старик, еще не проиграна. Боги спасут Японию. Государь уже совершил вместе с членами правительства и чинами высшего военного командования поездку в Исэ для вознесения молитв основательнице династии богине Аматерасу. Надо устроить теперь всенародное молебствие. Затем надо послать к американцам самого красноречивого офицера из осведомительного сектора армии, который расскажет им о том, что их ожидает в Японии в связи с планом «Яшма вдребезги» и какие виды секретного оружия имеются у нас. Как только американцы узнают о нашем секретном оружии, они пойдут с нами на мир, чтобы сообщить это оружие по назначению, то есть против русских.

Я поблагодарил старика за интересные сведения и откланялся. Я по-прежнему не знал, к кому примкнуть, к тем, кто за немедленную капитуляцию, или к тем, кто за попытку еще немного поторговаться с Америкой.

Я верил в эффективность плана «Яшма вдребезги» в случае, если придется применить его. Оставался вопрос о секретном оружии – можно ли положиться на него как на козырь в игре с Америкой?

Мне было кое-что известно о работах, которые проводились у нас по части секретного оружия.

Двое ученых – Нисина и Аракацу – работали в области атомной энергии, но их дело пока что находилось в начальной стадии. Гораздо успешней шла работа в Симада, где проводились опыты над особыми лучами, которые могли на расстоянии останавливать моторы и воспламенять взрывчатые вещества. Но и здесь до торжества еще было далеко: лучи пока что действовали лишь на расстоянии нескольких метров. Большие надежды возлагались на так называемую бомбу «Кэ» с радиодистанционными трубками. Говорили, что такие бомбы будут сами направлять свой полет на объект и попадание их будет гарантировано. Главное военно-техническое управление считало, что эта бомба будет готова примерно через год. Если мы затянем войну еще на год, у нас будет новое оружие, поражающее без промаха.

Нашим главным секретным оружием являлась бомба «И», изобретенная генерал-лейтенантом медицинской службы Исии Сиро. Она представляла собой небольшой фарфоровый сосуд величиной с китайскую дыню, начиненный самыми действенными болезнетворными бактериями. Главная лаборатория, изготовлявшая эти бомбы, находилась в Токио, в квартале Вакамацу, рядом с особняком Исии. После того

как в ней произошел пожар, уцелевшее оборудование перевезли в Ниигата и на Хоккайдо. Центрами производства этих бомб стали две лаборатории в Маньчжурии. Одна, именуемая «отрядом № 731», находилась в Пинфани, около Харбина, другая – «отрядом № 100» – в Могатоне, около Синьцзина. Бомба «И» уже прошла все испытания в Китае и Маньчжурии, дала хорошие результаты и была принята на вооружение.

Нам, офицерам главной квартиры, было известно, что государь дал аудиенцию генерал-лейтенанту Исии и, заслушав его доклад о проведенных им научных изысканиях, пожаловал высокую награду: орден Благословенного сокровища 1-й степени.

Итак, из наших козырей пока был готов только один. Отличный козырь, но стоит ли пускать его против Америки? Чтобы ответить на это, надо было решить кардинальный вопрос: как быть с происходящей войной?

Теперь, весной 1950 года, мне кажутся поистине нелепыми мои тогдашние колебания. Но человек всегда становится умнее, когда выясняется исход дела. А тогда я не знал, чем все кончится и как действительно отнесутся к нам американцы после нашей капитуляции. Мог ли думать я, что, высаживаясь на наших островах вскоре после церемонии подписания акта о капитуляции на палубе «Миссури», американский главнокомандующий уже тогда смотрел на нас как на будущих союзников? Мог ли думать я, что он, по чьему приказанию эскадрильи «Б-29» устраивали кошмарные «ковровые бомбежки» наших городов, воевал больше с нестроевыми японцами, чем с нашими офицерами и солдатами, которых он сохранял для будущего? Правда, если б я был более наблюдательным, то заметил бы, что американские бомбардировщики истребляют густо населенные районы бедноты в Токио – Ситая и Асакуса, но не сбрасывают ни одной бомбы на квартал Маруноути, где стоят здания наших крупнейших концернов, и на кварталы, где возвышаются самые лучшие отели и самые вместительные дома антисейсмической конструкции. В задачу «Б-29» не входило разрушение зданий, в которых должны были со временем разместиться американские военные учреждения.

Да, тогда, в начале лета 1945 года, я многого не понимал.

Немаловажной причиной моих колебаний было то, что с самого начала своей карьеры по линии специальной службы я работал по Китаю и в русских делах не был достаточно осведомлен. Вот поэтому я одобрял вначале план Мутто «Вперед, на юг», считая, что первейшей задачей нашей империи является покорение всего Китая и что для закрепления этой победы необходимо овладеть всеми подступами к Китаю с юга – Индо-Китаем и Малайей, подобно тому как мы уже овладели подступами к Китаю с севера – Манчжурией и подступами к Манчжурии с юго-востока – Корейским полуостровом.

И кроме того, я вначале полагал, что нашим главным врагом на территории Китая является гоминдановское правительство, а не китайские красные.

Только во время войны, а именно после Пинсиньгуаня, где 8-я армия Чжу Дэ разгромила наши войска под командованием Итагаки, я окончательно понял: наш враг в Китае – красные, а гоминдановцы во главе с Чан Кай-ши – это будущие союзники, с которыми мы обмениваемся выстрелами только в порядке недоразумения.

И с тех пор начались мои сомнения. Моя вера в план Мутто стала таять. Я стал подумывать о том, что наша война на Тихом океане – большая ошибка. И как раз в это время произошла моя встреча с Харшбергером. Она открыла мне путь к прозрению.

Вскоре после этого небо помогло мне сделать еще один

шаг на пути к истине. Однажды утром, придя в свою служебную комнату, я увидел на полочке положенную кем-то книгу. На ее обложке было написано: «Последняя война», а в конце книги указано, что она отпечатана на средства автора и не предназначена для продажи.

Это было сочинение известного генерал-лейтенанта Исихара Кандзи – того самого, который в бытность начальником оперативно-стратегического отдела генштаба переработал существовавший до него план «Оцу» – план захвата русского Приморья – и составил новый план войны с Россией, предусматривающий захват всей Сибири до Урала. Благодаря этому плану Исихара сразу же стал всеяпонской знаменитостью.

После возникновения войны между Германией и Россией последовало высочайшее решение об осуществлении плана Исихара. Но торжество автора плана оказалось преждевременным. Сторонники продвижения на юг вскоре уговорили государя провести в первую очередь войну с англосаксами, чтобы закрепить завоевания в Китае и утвердить господство Японии над всей Юго-Восточной Азией.

С тех пор как началась война на Тихом океане, Исихара оказался в положении опального военачальника. Пока все шло хорошо, о нем не говорили. Но как только пошли неудачи, стали припоминать его аргументы против неразумности войны на Тихом океане и восхищаться его прозорливостью.

Особенно усердно занималась прославлением Исихара

группа политических деятелей – членов Лиги Восточной Азии, возглавляемой самим Исихара Кандзи. С Лигой поддерживали связь виднейшие генштабисты-россиеведы во главе с заместителем начальника генштаба Кавабэ и бывшим начальником штаба Квантунской армии Касахара. Короче говоря, Лига Восточной Азии объединяла всех исихаровцев.

Затем стало известно, что с Лигой установили тесную связь глава концерна Мицуи – Икеда и представитель дипломатической бюрократии, бывший посол в Лондоне, Иосида. И тот и другой выполняли поручения наших финансовых магнатов.

В сочинении генерала Исихара говорилось о том, что, хотя Америка и Россия состоят сейчас в одной коалиции, скоро это положение изменится и между ними начнется схватка. Через всю книгу проходила мысль: у Америки и Японии – общий враг, в будущей войне они должны быть вместе, и чем скорее кончится эта глупая война, тем будет лучше для обеих сторон.

Я прочел эту книгу трижды. С таким интересом до этого дня я читал только одну книгу – трактат для сагаских самураев «Сокрытое в листе», кодекс правил поведения настоящего воина.

Простудировав сочинение Исихара, я почувствовал, что сделал еще один шаг на пути к полному прозрению. Так, наверно, чувствует себя буддийский монах, пройдя первый из восьми этапов к спасению души – «этап правильного смот-

рения». Но кое-какие сомнения еще оставались. Надо было избавиться от них.

В штабе Восточного района я однажды встретил своего старого знакомого подполковника Ии. До начала тихоокеанской войны мы долго работали вместе в органе специальной службы в Шанхае – я по связи с немецкой разведывательной организацией в Китае («бюро Эрхардта»), а он по русской белоэмигрантской колонии. Затем нас обоих перевели в генштаб, в так называемый «восьмой сектор» – специальный сектор по проведению особых акций. Затем я был направлен на фронт, а Ии перешел в 5-е, то есть русское, отделение 2-го отдела генштаба. Он считался там одним из лучших россиеведов.

Ии затащил меня к себе в офицерское общежитие около Кагурадзака, совсем недалеко от дома Осьминога. Ии ничуть не изменился. Та же круглая физиономия с добродушной улыбкой и с крохотными умными глазками, которые всегда оставались серьезными. Несмотря на маленькую кругленькую фигурку с очень короткими руками, Ии держался с большим достоинством, разговаривал медленно, спокойно, без всякой жестикуляции.

Он угостил меня русской водкой, только что привезенной из Москвы. Офицеры 5-го отделения 2-го отдела генштаба по очереди ездили в Россию в качестве дипкурьеров, прикрываясь чужими паспортами. Мы разговорились.

– Нужно скорее прекратить эту идиотскую войну, – сказал Ии. – На любых, даже на самых тяжелых условиях, лишь бы уцелела династия. Надо поскорей окончить эту войну, чтобы сохранить как можно больше сил для последующих действий. На этот раз уже совместно с Америкой. Мы тогда быстро возместим все потерянное. Вместо островков на Тихом океане, Манчжурии и Кореи получим всю Сибирь – до Урала, а еще лучше – до Волги. Согласен на такой обмен?

Я кивнул головой:

– Но лучше было бы удержать все наши владения в Азии и прибавить к ним Сибирь. Почему вы все-таки против того, чтобы заставить Америку пойти с нами на ничью?

– Потому что для этого придется еще воевать и нести потери нам и американцам тоже. А это глупо. Нам и Америке нельзя ослаблять себя попусту перед лицом общего врага. Это во-первых. А во-вторых, продолжая войну с Америкой, мы вынуждаем ее откладывать начало войны с Россией. А на русских надо броситься скорее, пока они не отдышались. Чем дольше будет продолжаться война на Тихом океане, тем больше мы дадим русским времени для передышки.

Доводы Ии были неоспоримы.

– А у них действительно скоро начнется? – спросил я.

– Как только заключим мир с американцами, узнаем все, – ответил Ии и хихикнул.

Наша беседа была прервана появлением нового гостя Ии представил нас друг другу. Услышав имя полковника Цудзи,

которого знала вся наша армия, я стал почтительно разглядывать своего нового знакомого. Бритая голова, густые брови, пронизывающий взгляд, внушительная осанка – это был воин с головы до ног. Я вспомнил рассказы о том, как этот полковник, прозванный Малайским тигром, первым стал совершать кимотори над пленными англичанами и американцами. Он проделывал эту операцию в строгом соответствии со старинным церемониалом.

Полковник включил радио и стал шептаться о чем-то с Ии. Я решил откланяться. Ии выключил радио и сказал Малайскому тигру:

– Пусть слушает. Офицеры главной квартиры все равно узнают об этом.

Сообщение Цудзи было очень интересным. Маршал Янь Си-шань прислал своего офицера к генерал-майору Ямаока – начальнику штаба 1-й армии – с предложением заключить тайное соглашение о совместном выступлении против китайских коммунистических войск в Шаньси. Посланец Янь Си-шаня сообщил генерал-майору Ямаока о том, что по сведениям, имеющимся у гоминдановцев, в ближайшем будущем может возникнуть война между Америкой и Россией, ввиду чего Японии и Китаю следовало бы объединиться для борьбы с коммунизмом в Азии.

Генерал Ямаока был известен как один из самых правоверных исихаровцев. Начало войны между Германией и Россией застало его на посту военного атташе в Москве. Говори-

ли, что он каждую неделю извещал генштаб о том, что, судя по всем данным, русские прекратят сопротивление к концу недели, затем стал предсказывать падение Москвы и трижды назначал срок. Наконец «предсказателя» отозвали в Токио и через некоторое время послали на китайский фронт, где он решил заняться вместо прогнозов политикой: стал готовить почву для переговоров с гоминдановцами.

Сообщив новость, Цудзи бесцеремонно растянулся на циновке и прогудел:

– Войну надо кончать. Это ясно всем, кроме кретинов. И надо заблаговременно договориться с гоминдановцами, чтобы не дать китайским красным захватить Китай.

Когда Ии провожал меня до передней, я спросил его:

– Значит, вы... то есть исихаровцы, считаете, что план «Яшма вдребезги», утвержденный государем...

Ии почтительно наклонил голову при упоминании государя, затем тихо сказал:

– Этот план – бред самоубийцы. Военный министр, кажется, хочет все-таки испробовать его на деле. Говорят, что по ночам он, стоя у окна в своем кабинете, показывает язык луне. Все адъютанты знают об этом... Это ужасно, что сейчас, когда империя находится в такой опасности, ее военный министр сумасшедший. А государь, к сожалению, не замечает...

После этого разговора с Ии я еще раз прочитал «Последнюю войну» и окончательно убедился в том, что генерал Ис-

ихара – самый прозорливый политик во всей поднебесной.

Крах

1

Декларация из Потсдама, предлагающая Японии сдаться, была передана по американскому радио рано утром 27 июля. Спустя час в главное управление жандармерии и департамент полиции начали поступать сведения о том, что текст декларации, записанный тайком и переведенный на японский язык, уже распространяется по городу. Затем стало известно, что через ворота Сакасита проследовали в августейшую резиденцию князь Коноэ и председатель Тайного совета барон Хиранума – поехали шушукаться с лордом-хранителем печати маркизом Кидо. На Итигаядай тоже началось экстренное совещание. Военный министр Анами пригласил к себе всех армейских лидеров.

Мы сидели до вечера во флигель-адъютантской части, ожидая новостей. Дзинтан поехал в министерство и обещал позвонить оттуда. Два молодых офицера – Кацумата и Минэ, недавно переведенные к нам из Квантунской армии, сообщили мне, что все старшие чины Квантунской армии, находившиеся в Токио по служебным делам, только что получили приказ немедленно вылететь в Манчжурию.

– Наверняка там что-то начнется, – сказал капитан Кацу-

мата и, вздохнув, ударил ладонью по эфесу сабли.

Капитан Минэ тоже стукнул по эфесу и прошептал:

– Может быть, сегодня ночью решим кончить войну с Америкой и пойдем на русских...

– Боюсь, Квантунская армия сейчас не так сильна, – сказал я. Кое-какие части пришлось, вероятно, послать в Китай и в метрополию.

Оба капитана решительно опровергли мои опасения. В составе Квантунской армии, сказали они, сейчас находится несколько отдельных армий. В случае возникновения войны с Советским Союзом Квантунская армия начнет развивать операции, предусмотренные планом Исихара. Для решающего удара в направлении Байкала предназначены отборные части, подчиненные непосредственно командующему Квантунской армией, например соединения «Добродетель», «Дорога», «Контроль» и 2-я воздушная армия. А на 1-м, восточно-маньчжурском фронте, стоят наготове ударные соединения «Острие», «Журавль», «Скала», «Непоколебимость», «Решимость», «Дальний замысел» и другие. Им поручено взять в течение суток Владивосток и Хабаровск. А если будет признано необходимым вести оборонительную войну, Квантунская армия сможет укрыться за тремя линиями укреплений, которые строились в течение последних четырнадцати лет. В сравнении с ними знаменитые линии Мажино и Зигфрида не более чем простые деревянные заборы.

– Ну, вряд ли Квантунской армии прикажут вести оборо-

нительные операции, – сказал я. – Приказ № 1 будет состоять из одной фразы: «Вперед, до Урала!»

Минэ торжественно сказал:

– И в авангарде пойдут не танки, а дезинфекционные отряды. Потому что до приказа № 1 будет издан приказ № 0. «Пустить в ход секретное оружие!»

Не дождавшись звонка от Дзинтана, я позвонил Муссолини, но не застал его. Тогда я решил поехать к Осьминогу. Старик был дома, в постели. Пожилая благообразная служанка прижигала ему спину курительной свечкой – ставила моксу. Закончив лечебное прижигание, она сердито посмотрела на меня и вышла не поклонившись. Старик уже был осведомлен. Группа армейских лидеров во главе с военным министром Анами единогласно решила повернуть к стопам государя просьбу: не обращать внимания на Потсдамское предложение и продолжать войну до почетного мира.

Спустя несколько дней, по категорическому требованию армейского командования, премьер-министр адмирал Судзуки был вынужден выступить с официальным заявлением о том, что правительство решило оставить без внимания предложение из Потсдама. Токийская роза передала заявление на английском языке. Осведомительное бюро дало указание всем газетам печатать изо дня в день на самом видном месте лозунги: «Воевать до конца!», «Вооружимся бамбуковыми копьями и проведем решительный бой в метрополии!», «Сто миллионов японцев готовы разбиться вдребез-

ги, подобно яшме!»

Шестого августа вечером ко мне зашли после дежурства Дзинтан и Кацумата.

– Что нового? – спросил я Дзинтана.

Он сказал, что только что разговаривал по телефону с начальником общего отделения Ставки майором Сакакибара. Майор сообщил, что особых новостей нет. Министр после обеда уехал отдыхать в Атами.

– Говорят, что вчера был большой налет на Нисиномия и Такасаки. Охота им тратить бомбы на такие города! Там ведь только общежития для эвакуированных школьников, – заметил я.

– А сегодня утром бомбили Хиросиму, – сказал Кацумата, – причем американцы сообщили по радио, что испробовали какую-то бомбу нового типа. Но в штабе противовоздушной обороны пока что не получено никаких сведений.

Дзинтан поделился более интересными новостями. Сейчас тайные переговоры ведутся не только между командованием наших войск в Шаньси и Янь Си-шанем, но и между главнокомандующим наших войск в Китае Окамура и начальником гоминдановского генштаба Хо Ин-цинем. Вероятно, Чан Кай-ши скоро начнет операции против коммунистов. Уже с ноября прошлого года наши войска в Китае стоят на месте – война там уже фактически прекратилась, и значи-

тельная часть войск Чан Кай-ши блокирует районы, занятые коммунистами.

В ту ночь не было налетов. На следующий день меня послали в Оихама, где проводились испытания нового типа пикирующего бомбардировщика «Ки-115», предназначенного специально для смертников. Испытания прошли хорошо. Конструктор объяснил нам весьма остроумное устройство колес у самолета. Они будут автоматически отделяться от самолета сразу же после его взлета, и их можно будет использовать для других машин. Летчикам-смертикам колеса нужны только для того, чтобы взлететь в небо и остаться там навсегда.

На обратном пути я заехал в Иокогаму, чтобы выполнить поручение Осьминога – передать письмо капитану Сасаки из отряда «Утреннее солнце» 3-й пехотной бригады. Капитан пригласил меня в закрытый офицерский ресторанчик, находящийся в районе пристани. В ресторанчике оказался довольно хороший запас вин, не разбавленных водой, а штат служанок состоял из бывших гейш, укрывшихся от трудовой повинности. Мы провели время довольно весело. Когда захмелевший Сасаки заговорил о том, что всем бабам скоро придется научиться бросать гранаты, чтобы выполнить долг перед государем, самая старая из служанок, игравшая на сямисене, позволила себе сделать не совсем почтительное замечание. Я схватил ее за волосы и, вытащив в коридор, ударил несколько раз ногой, заставил извиниться и спеть пять раз подряд

песню «Выйдешь в море трупы в волнах». Мы пили до утра.

Я вернулся в Токио на следующий день вечером и рассказал Дзинтану о результатах испытания бомбардировщика «Ки-115». Потом спросил:

– Что там за штуку сбросили позавчера? Что сообщают из Хиросимы?

Дзинтан сказал, что в восемь часов пятнадцать минут утра над городом появились два американских самолета. Их появление не вызвало особой тревоги, так как над Хиросимой часто пролетали американские разведывательные самолеты. Один из них сбросил бомбу, которая взорвалась в пятистах метрах от земли как раз над мостом Аиои, в центре города. После ослепительной вспышки раздался грохот, к небу поднялся огненный шар, а затем появился грибообразный столб дыма высотой в несколько сот метров. В городе начался пожар. Гарнизон почти не пострадал, штаб Западного района тоже, но сгорело много жителей, в том числе несколько тысяч эвакуированных детей, живших в общежитиях. Интересно то, что на стенах каменных зданий отпечатались от вспышки бомбы силуэты деревьев, а на лестнице банка Сумитомо – силуэт какой-то женщины, от которой ничего не осталось. Газетам строжайше запрещено помещать какие-либо сообщения о Хиросиме.

– А что сообщают американцы?

– Сам президент выступил по радио и объявил, что была сброшена бомба нового типа – атомная.

Я покачал головой:

– Значит, это и есть та самая операция «Серебряное блюдо». А я-то думал, что высадят где-нибудь десант... Значит, они пустили в ход свой козырь. И почему именно сейчас?..

– Ходят слухи, что американцы собираются высадить десант в Токийском заливе, – сказал Дзинтан. – Мне говорили об этом офицеры штаба Восточного района.

В то время ни я, ни Дзинтан еще не знали сокровенного смысла хиросимской бомбы – «Гильды», как нежно окрестил ее президент Трумэн. Теперь нам известно, что он знал о том, что через два дня русские вступят в войну и постараются побыстрее разгромить нас. Следовательно, сбрасывать эту бомбу на Японию уже не имело смысла.

Бомба, разорвавшаяся в воздухе над японским городом Хиросима 6 августа 1945 года, была направлена в другой адрес и рассчитана не столько на стратегический эффект, сколько на политический.

Но все это мы поняли позже.

Вернувшись к себе в кабинет, я развесил противомоскитную сетку и лег спать на диване. Ночь была очень душная, но вскоре из-за воздушной тревоги пришлось спустить шторы на окнах, и комната превратилась в настоящую жаровню. Я остался в помещении, так как в последнее время американцы перестали сбрасывать бомбы на августейшую резиденцию. Налет «Б-29» продолжался минут сорок.

Около двух часов ночи меня разбудили. Муссолини, приподняв сетку, хлопал меня по ногам. За ним стоял капитан Миками, адъютант Осьминога. Он держал в руке керосиновую лампочку. У обоих был такой вид, что я сразу же вскочил и вытащил из-под подушки мешочек с амулетом и револьвер.

– Высадились? Начали? – взволнованно спросил я.

Муссолини пробормотал что-то и стал вытирать рукавом лицо. Я быстро оделся и направился к дверям:

– Пошли скорей!

Но они оба повели себя очень странно. Муссолини сел на диван, взял с моего стола веер и начал медленно обмахивать голову. Щеголеватый Миками с прилизанными волосами тоже сел и что-то зашептал. Я прервал его:

– Что ты мямлишь? Говори как следует!

– Начали... – с трудом произнес Муссолини и, закрыв гла-

за, откинулся на спинку дивана.

– Начали, – прошептал Миками и показал пальцем на карту, висевшую над диваном. Это была карта Манчжурии и Восточной Сибири.

Началось! Началось то самое, о чем мы, воины империи, мечтали двадцать лет, – война с Россией. Но как началось!

Миками стал рассказывать, глотая слова. Полчаса назад было получено первое сообщение о том, что на границах Манчжурии начались военные действия. Советское правительство присоединилось к декларации трех держав и решило заставить Японию прекратить войну.

Весь вопрос теперь заключался в том, пущена ли уже в ход бомба «И» или нет. В армейском отделе главной квартиры не было никого, кроме дежурных. Они знали только одно: началось – и больше пока ничего. Я позвонил во флигель-адъютантскую часть, Дзинтана там не было. Мы направились в министерство. По радио еще ничего не объявляли, но чрезвычайные вести разносятся с быстротой тайфуна. Пологая улица, ведущая на Итигаядай, была заполнена машинами и мотоциклами.

За всю войну ни разу не собиралось так много людей в такой поздний час в здании министерства. В эту ночь «переулок новостей» переместился в самый дальний коридор в подвале, куда выходили двери комнат старшего адъютанта министра и секретаря министра. Все имевшие доступ в министерство столпились здесь, как на платформе подземной

дороги в часы «пик».

Генерал Умедзу, переговорив по прямому проводу с командующим Квантунской армией Ямада, прибыл к Анами. В кабинете министра шло чрезвычайное совещание. Были вызваны фельдмаршалы Сугияма и Хата, все члены Военного совета, главнокомандующий войск Восточного района генерал Танака и другие члены высшего командования.

Мы простояли до утра, изнемогая от духоты и нетерпения, и дождались конца совещания. Когда в коридор стали выходить генералы, мы окружили их и начали наперебой расспрашивать, забыв о всякой дисциплине и правилах приличия. Мы превратились в толпу оголтелых репортеров. Генералы молча отмахивались от нас.

Начальник главного управления военно-воздушных сил Терамото бросил на ходу:

– Все предусмотрено.

Шедший рядом с ним командующий 11-й армией Фудзиэ пробормотал:

– Теперь начинается настоящая война.

А маленький толстенький генерал с большими глазами – это был командующий 13-й армией Доихара – весело крикнул:

– Квантунская армия – первая в мире! Абсолютно непобедима!

По всем коридорам вдруг пошли слухи: войска 1-й армии уже ведут бои в районе Гродеково. Соединение «Сча-

стве-долголетие» из состава 17-й армии уже заняло Посыет. 2-я воздушная армия генерал-лейтенанта Харада уже провела массированный налет на Читу. А соединение «Искреннее сердце» уже перерезало дорогу Владивосток – Хабаровск.

Я закрыл глаза и задержал дыхание. В первый раз в жизни я возносил от глубины сердца молитву богам – всем богам, какие только существуют на свете. Стоявший рядом со мной артиллерийский полковник шепнул мне:

– Наши танки, наверное, уже идут через Монголию, чтобы выйти к Байкалу.

Минут через пять с другого конца коридора ко мне протискался Миками, обливающийся потом, с растрепанными волосами, и сказал мне на ухо:

– Наши части уже форсировали Амур и с боем взяли Благовещенск. Линия Хабаровск – Чита перерезана!

И наконец, пронесся слух, которого ждали все: секретное оружие «И» введено в действие, бомбы сброшены на семнадцать городов Сибири!

Кто-то закричал:

– Его величеству банзай!

Все подхватили.

Теперь требовалось только одно: чтобы все слухи подтвердились.

Но подтверждений не поступало. В утренней сводке главной квартиры говорилось только о налетах американцев за истекшие сутки на среднюю и западную части Хондо, на Кюсю и Токио. А с нового фронта никаких сведений еще не было. В генштабе прослушали передачу на японском языке из Хабаровска, но в ней тоже ничего не говорилось о боях на границе.

Зато стали поступать сведения с другого фронта. Этот фронт находился у нас под самым носом. На нем с утра стали разворачиваться весьма тревожные события.

В 10.30 было созвано экстренное заседание Высшего совета по ведению войны. Премьер-министр Судзуки и министр иностранных дел Того заявили, что, после того как Советский Союз определил свою позицию, исчезли последние остатки надежды на успешное окончание войны. Продолжать войну при создавшихся условиях – это рисковать всем, то есть судьбой династии.

Незадолго до конца заседания было получено сообщение из Нагасаки о том, что в 11 часов утра там была сброшена вторая атомная бомба. На этот раз пострадала окраина города – район, где находились медицинский институт, богадельня и католический храм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.